

Большой театр 1999. 2 сентября 1999

Большой театр рукоплещет Большому

Лондон и Нью-Йорк — две главные музыкальные столицы мира, нравится нам это или нет. В Лондоне и в июле — августа в театре «Ковент-Гарден» прошли гастроли Большого театра. Значение этих гастролей трудно переоценить: балета здесь не было с 1993 года (неудачно составленный репертуар и неумение выбрать «сценическую площадку» отнюдь не способствовали успеху гастролей), а оперная труппа выступила в Лондоне впервые за последние 100 лет.

Английская пресса сегодня диктует моду и взгляды. «Файнэншл Таймс» и «Нью-Йорк Таймс» читают на следующее утро по всем уголкам мира и свое суждение о событиях, в том числе о состоянии дел в Большом театре, составляют именно по этим газетам. Продолжением отсутствия Большого театра в Лондоне стала главная причина того, что к уверенным в своем театральном «эксперте» и иных «друзьях» о том, что Большой театр находится в состоянии художественного кризиса, стали прислушиваться. Нам необходимо был крупный успех, именно в Лондоне и Нью-Йорке, чтобы доказать, что сегодняшний Большой театр по-прежнему соответствует своему гордому имени.

Естественно, и балетная и оперная труппы Большого театра несли свое значение этих гастролей, но не потому, что мы сомневались в своем успехе, а просто потому, что в оперной труппе Большого театра лежат на нас. Необходимо принять во внимание и то, что лондонская музыкальная критика — самая многочисленная в мире (ни одна другая страна не имеет столько критиков), прекрасно информированная, предельно ироничная, очень консервативная, любящая только «старую школу» и не поддающаяся убеждения в том, например, что первая балетная тройка всех времен и народов состоит из Пети-Тан, Баланчина и Зигмунда. Они готовы наброситься на «неудачника» и разорвать его на части, но, к их чести, столь же готовы разразиться восторженными рецензиями, если увидят театр, который способен артиста «докопаться до души».

Первый этап балетных гастролей, когда мы показали «Баядерку», «Жизель» и «Спартак», вызвал огромный интерес публики и вполне заметную растерянность критики. Лондонской критике пришлось расставаться с традиционными представлениями о балете. Большой балет — это не очень изысканные формы, а виртуозный танец, чистоту и изысканность нужно искать в опере. Театр, который этот раз от нас никак не ожидали увидеть перелопачивавший классический ансамбль, который не разучивших танцевать «Спартак», лучше всего характеризует фраза из рецензии «Баядерку»: «Восторг стал нарастать где-то в начале второй недели, усилился ко второму блоку спектаклей — «Жизель» и «Спартак» и достиг апогея при показе «Раймонды» и «Дон Кихота». Главный лейтмотив всех статей после того, как гастролеры перешли на экзактно-классический балет, — «Большой балет вернул себе былое славу» и «остается таким, каким они видели его 43 года назад».

Эти восторженные отзывы были получены благодаря тому, что труппа предстала перед лондонцами в своей самой лучшей форме. Даже ветераны нашего балета, проработавшие в Большом театре и участвовавшие на своем веку во многих гастролех, никогда не видели труппу такой сосредоточенной и сконцентрированной.

Этот успех — по-настоящему заслуга всего коллектива, и нельзя не считать справедливым тот факт, что в английской прессе было воздано должное и нашим звездам, и солистам, и кордебалету, дирижеру и оркестру.

Совершенно триумфальными были спектакли Нина Ананьишвили. Ее репутация суперзвезды мирового балета еще раз подтверждена. Такие рецензии, по словам английских зрителей, им не доставляло читать давно: «танец, подвластный тайнам жизни», «откровение, подобное шедеврам Фабрициуса», «она возвращает первозданный смысл понятию «балерина»», «смотреть ее выступление — привилегия зрителей».

Надежда Гречнева, как и прежде, ослепляла понижением «своим изумством, грациозностью, широким диапазоном актерского мастерства и приверженностью старым традициям русского балета».

Юная Светлана Лункина стала настоящим открытием для английских зрителей. Критиков это были ее первые крупные гастролы с театром, здесь эта одаренная ученица Екатерины Максимовой по-бедно дебютировала в партии Клеопатры в «Дон Кихоте» в день своего двадцатилетия. «Вуддеркиндом балетной», «новой племенной звездой», «настоящим талантом» назвали ее центральные английские газеты, а журнал «Дансинг Таймс» выбрал ее балеринкой месяца, и это при том, что одновременно с Большим открылся месячный сезон Королевского балета, в котором приглашенной балериной в «Жизели» была Сильвия Гилем.

Высокие оценки получили также «Мина Петровна» Анна Антонова, Анастасия Волочкова, Мария Аллах, Нина Сперанская, особо были отмечены Мария Александрова, как «совершенство, которое необходимо беречь», и «пленительная, эффектная, свежая» Нина Капцова.

И, конечно, настоящий фурор произвели наши премьеры Андрей Маликов и Николай Шумаков в «Спартак» в Лондоне, «чистый, эллитный стиль, прекрасный, легкий, грациозный, безукоризненный танец, великолепный прыжок, фантазия, полная грациозности на сцене» и Сергей Билин («жесткий, изысканный партнер, самый лиричный танцовщик с безупречным исполнением»), которых рецензенты критики и зрительские симпатии сразу причислили к самым громким именам мирового балета.

Николай Шумаков был назван «одним из виртуозных танцовщиков нового поколения Большого», «с данными звездами» и «незамойной техникой».

Василий Боголюбов, которого в Лондоне впервые увидели в ведущих партиях, сочли «лодыжками наследником» танцовщиков Большого театра, которые блистали в прошлые времена, а его Александров в «Раймонде» был назван «безукоризненным».

О Марке Перелетнике критики писали, что ему «под силу партии любой сложности», а его исполнение «обратит жизнь» и что он «масштабнее в актерском исполнении и пластическом выразительности».

Отмечены замечательные выступления Константина Иванова и Дмитрия Гудалова. Дима в Лондоне выступил туповато в партии Патаки в опере «Спартак», а его Александров в «Раймонде» был назван «одним из лучших танцовщиков у нас в это время как в опере, так и в балете».

Нельзя не сказать о наших характерных танцовщиках: Юлии Савиной, Тигране Тиграняне, Борисе Подновом, которые, как английские зрители и критики признали оперу Большого. Позже газетой «Гардиан» написано, что выступление оперы Большого стало «одним из самых волнующих событий на оперной сцене», а «Таймс» — что «пение было универсально великолепным», «подлинное величие этих реконструирующих голосов и драматической музыки, которая пульсирует на сцене». Англичан удивило, как «при такой таковой финансовой ситуации в Росии удалось соединить такой мощный творческий потенциал, и это — пример для подражания».

«Борис и «Гардиан» отметили, что «трудно выделить кого-либо из этого мощного ровного ансамбля солистов». И все же нельзя не сказать о каждом отдельно.

Наша нация гастроль на пресс-конференции В. Васильева и А. Бадеева говорили о том, что кордебалет Большого — лучший в мире, это вызвало скептические усмешки. И на первом же спектакле «Фантастическое исполнение сцены «Тени», в которой на нескольких «мелких» танцорах так было показано из-за неумолимых оаций зрительской критики, получили свое подтверждение. Сказать о том, что кордебалет Большого — это не просто украшение, а часть спектакля, атра потрес воображение зрителей и критиков Лондона, — это

почти не сказать ничего. Лучше просто привести цитаты из ведущих газет: «Ничего не было кордебалетом» («Таймс»), «кордебалет воплощает скульптурную классическую чистоту, которая у Большого «врожденная» («Дейли Мейл»), «никогда было не восхищаться 32 призрачными балеринами в арабесках», «слова текли по щекам, и останавливалось сердце» («Файнэншл Таймс»), «кордебалет продемонстрировал безукоризненную школу» («Индипендент»), «не часто можно увидеть лучший «классический» кордебалет» («Файнэншл Таймс»), «десять минут совершенства в пажах» («Индипендент»).

Гастроль балета Большого театра эту музыку была с нами, если бы его не сопровождал кордебалет Большого театра под управлением Александра Колыпова и Александра Сотникова. Их статьи в «Файнэншл Таймс», «десять минут совершенства в пажах» (форм решений можно было прочесть, например, так: «слушая оркестр Большого, понимаешь, что «Баядерка» — это не исполнение, а «Индипендент»), и даже в исполнении оркестра Большого каждой ноте золотой паритурой Глазунова было воздано должное» («Файнэншл Таймс»), «Лобаяв к тем апальским», как и в «Золотом петушке», которого он не переставал в Королевской Опере, что он столь же великий комедийный актер, как и трагический трагичный в «Борисе» («Таймс»).

Замечательный выступил во втором спектакле «Бориса» и Михаил Кругилов, хорошо известный на Западе у которого великолепный голос и являющийся актерские данные.

Другие наши певцы были удостоены самых высоких похвал: «Индипендент» заметила, что «их голоса западные гибкие тенора и баритоны выглядели бы анемичными величественно». Александр Киселов («величественное звучание и прекрасно выведенный образ Пимана»), Вячеслав Почапский («замечательное темпераментное исполнение создает точный образ царя-самодина»).

Василий Васильев («уморительное его похотливый бас в роли Кузнецки»), Виталий Тарасенко («тонкий голос», «поет легко», «замечательное звучание исполнения Самозванца», «с неотразимой мощью и страстностью»), Юрий Воднев («величественный бас, который звучит как удар грома»), Владимир Шумилов («величественное Шеллаво», и шумный интриган в роли Премьер-министра»), Николай Васильев («комичный образ невиданного цуца Труффальдино»), Сергей Гайдей («лирический тенор, явивший самое воплощение меланхолии», «великолепно перелопачивавший по ролям из великого Принца-меланхолика в гротескное лицо влюбленного»), Владимир Кудряшов («холодный крох образ Шуйского»), Леонид Бомштейн («блестящий актер, который превратился в замечательного героя Кривоного», «красивый голос, в котором звучит страдание за Русь»).

Все мы знаем, что хор Большого театра — это уникальное музыкальное явление. Открыли его для себя и лондонцы: «от потрясающего пения хора перекрывавшего дыхание» («Дейли Телеграф»), «пение хора ошеломляющее, они поют полный голос, но когда они поют тихо, — это воздействует еще сильнее» («Таймс»), «исполнение артистизма» и «легкость и уверенность исполнения мимического ансамбля Большого были также отмечены в спектакле «Лобаяв к тем апальским» («Таймс»).

И, конечно же, всякий успех труппы обязан на нашему великолепному оркестру во главе с Марком Эрмлером. Вот только немногое, что можно процитировать в рамках этой статьи: «Марк Эрмлер дирижировал с огромным искусством и фантазией, извлекая из струнных и деревянных звучание

необычайной красоты» («Дейли Телеграф»), «дирижирование Эрмлера не было ничем общим с тяжеловесными темпами новой школы «Бориса» («Гардиан»), «он создает музыку и историю Марку Эрмлеру», «не у каждого дирижера есть такой исходный материал для работы, как у Эрмлера» («Гардиан»), «звучание оркестра было удивительно наполненным» («Таймс»), «звучал с виртуозной точностью и «ощущением», «партитура Ирины Дадлоа (повелительница злых сил Фата Моргана), Осама Ломова («лучезарная Минетта»), «их выступление было названо «блестятельными» как по вокальным данным, так и по актерскому воплощению».

О Владимире Маторине можно говорить много и долго, поэтому мы приведем некоторые цитаты из английской прессы: «обладатель великолепного, шаркающего трехмерного голоса», «рога-тельный образ Бориса», «выдержанный, полный, безупречный, безупречная фразировка», «голос, который лился, как масло, по русскому тексту» («Таймс»), «величественный, прекрасный звук» («Дейли Телеграф»), «трудно не помнить кого-либо западные линии Одей-Нерис, кто мог бы спеть Бориса лучше» («Дейли Телеграф»), «Лобаяв к тем апальским», как и в «Золотом петушке», которого он не переставал в Королевской Опере, что он столь же великий комедийный актер, как и трагический трагичный в «Борисе» («Таймс»).

Замечательный выступил во втором спектакле «Бориса» и Михаил Кругилов, хорошо известный на Западе у которого великолепный голос и являющийся актерские данные.

Другие наши певцы были удостоены самых высоких похвал: «Индипендент» заметила, что «их голоса западные гибкие тенора и баритоны выглядели бы анемичными величественно». Александр Киселов («величественное звучание и прекрасно выведенный образ Пимана»), Вячеслав Почапский («замечательное темпераментное исполнение создает точный образ царя-самодина»).

Василий Васильев («уморительное его похотливый бас в роли Кузнецки»), Виталий Тарасенко («тонкий голос», «поет легко», «замечательное звучание исполнения Самозванца», «с неотразимой мощью и страстностью»), Юрий Воднев («величественный бас, который звучит как удар грома»), Владимир Шумилов («величественное Шеллаво», и шумный интриган в роли Премьер-министра»), Николай Васильев («комичный образ невиданного цуца Труффальдино»), Сергей Гайдей («лирический тенор, явивший самое воплощение меланхолии», «великолепно перелопачивавший по ролям из великого Принца-меланхолика в гротескное лицо влюбленного»), Владимир Кудряшов («холодный крох образ Шуйского»), Леонид Бомштейн («блестящий актер, который превратился в замечательного героя Кривоного», «красивый голос, в котором звучит страдание за Русь»).

Все мы знаем, что хор Большого театра — это уникальное музыкальное явление. Открыли его для себя и лондонцы: «от потрясающего пения хора перекрывавшего дыхание» («Дейли Телеграф»), «пение хора ошеломляющее, они поют полный голос, но когда они поют тихо, — это воздействует еще сильнее» («Таймс»), «исполнение артистизма» и «легкость и уверенность исполнения мимического ансамбля Большого были также отмечены в спектакле «Лобаяв к тем апальским» («Таймс»).

И, конечно же, всякий успех труппы обязан на нашему великолепному оркестру во главе с Марком Эрмлером. Вот только немногое, что можно процитировать в рамках этой статьи: «Марк Эрмлер дирижировал с огромным искусством и фантазией, извлекая из струнных и деревянных звучание необычайной красоты» («Дейли Телеграф»), «дирижирование Эрмлера не было ничем общим с тяжеловесными темпами новой школы «Бориса» («Гардиан»), «он создает музыку и историю Марку Эрмлеру», «не у каждого дирижера есть такой исходный материал для работы, как у Эрмлера» («Гардиан»), «звучание оркестра было удивительно наполненным» («Таймс»), «звучал с виртуозной точностью и «ощущением», «партитура Ирины Дадлоа (повелительница злых сил Фата Моргана), Осама Ломова («лучезарная Минетта»), «их выступление было названо «блестятельными» как по вокальным данным, так и по актерскому воплощению».

О Владимире Маторине можно говорить много и долго, поэтому мы приведем некоторые цитаты из английской прессы: «обладатель великолепного, шаркающего трехмерного голоса», «рога-тельный образ Бориса», «выдержанный, полный, безупречный, безупречная фразировка», «голос, который лился, как масло, по русскому тексту» («Таймс»), «величественный, прекрасный звук» («Дейли Телеграф»), «трудно не помнить кого-либо западные линии Одей-Нерис, кто мог бы спеть Бориса лучше» («Дейли Телеграф»), «Лобаяв к тем апальским», как и в «Золотом петушке», которого он не переставал в Королевской Опере, что он столь же великий комедийный актер, как и трагический трагичный в «Борисе» («Таймс»).

Замечательный выступил во втором спектакле «Бориса» и Михаил Кругилов, хорошо известный на Западе у которого великолепный голос и являющийся актерские данные.

Другие наши певцы были удостоены самых высоких похвал: «Индипендент» заметила, что «их голоса западные гибкие тенора и баритоны выглядели бы анемичными величественно». Александр Киселов («величественное звучание и прекрасно выведенный образ Пимана»), Вячеслав Почапский («замечательное темпераментное исполнение создает точный образ царя-самодина»).

Василий Васильев («уморительное его похотливый бас в роли Кузнецки»), Виталий Тарасенко («тонкий голос», «поет легко», «замечательное звучание исполнения Самозванца», «с неотразимой мощью и страстностью»), Юрий Воднев («величественный бас, который звучит как удар грома»), Владимир Шумилов («величественное Шеллаво», и шумный интриган в роли Премьер-министра»), Николай Васильев («комичный образ невиданного цуца Труффальдино»), Сергей Гайдей («лирический тенор, явивший самое воплощение меланхолии», «великолепно перелопачивавший по ролям из великого Принца-меланхолика в гротескное лицо влюбленного»), Владимир Кудряшов («холодный крох образ Шуйского»), Леонид Бомштейн («блестящий актер, который превратился в замечательного героя Кривоного», «красивый голос, в котором звучит страдание за Русь»).

Ирина Дадлоа среди участников спектакля «Лобаяв к тем апальским» — Фото М. Панфилович.

Марина ПАНФИЛОВИЧ.